

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационное исследование

Сергея Анатольевича Перехожих

«Московский городской комитет КПСС на завершающем этапе

существования СССР в 1983–1991 гг.»,

**представленное на соискание ученой степени кандидата исторических
наук**

по специальности 5.6.1. — Отечественная история

Диссертационное исследование С.А. Перехожих посвящено анализу деятельности Московского городского комитета КПСС в 1983–1991 гг. — в период, когда позднесоветская управленческая модель испытывала нарастающее давление социально-экономических проблем мегаполиса и радикально меняющихся политических условий «перестройки», а затем и системного кризиса партийно-государственного управления. Выбор именно московского уровня представляется методологически оправданным: Москва выступала уникальным управленческим объектом, где концентрация ресурсов, функций и символического статуса столицы делала городской партийный комитет одним из ключевых узлов принятия решений и координации политической и социально-экономической жизни.

Актуальность работы определяется тем, что при значительном объеме исследований, посвященных позднесоветской политической истории и трансформациям управленческих практик, региональный/городской уровень партийного управления — особенно применительно к столице — нередко освещался фрагментарно: вне целостного рассмотрения структуры аппарата, механизмов выработки решений и практик взаимодействия партийных, советских и хозяйственных органов в ситуации ускоряющихся реформ и распада прежней институциональной конфигурации. В этом отношении обращение автора к МГК КПСС как управленческой единице Москвы позволяет конкретизировать представления о том, как функционировала

«руководящая роль» партии в повседневных процедурах управления мегаполисом и как менялись ее инструменты и пределы в 1983–1991 гг.

Научная новизна диссертации, как она сформулирована автором, связана с комплексным анализом деятельности Московской городской партийной организации на завершающем этапе существования СССР, выделением основных направлений ее общественно-политической работы и рассмотрением партийных, советских и хозяйственных органов как субъектов управления Москвой и одновременно участников общесоюзных политических процессов. Существенным элементом заявленного вклада является также введение в научный оборот значительного корпуса архивных материалов, в том числе из фондов РГАСПИ и ЦГА Москвы, что усиливает доказательную базу исследования и делает выводы автора эмпирически обоснованными.

Структура диссертации отвечает поставленным целям и задачам и включает введение, три главы, состоящие из семи параграфов, заключение, список источников и литературы, а также приложения. Композиционно работа выстроена последовательно: от анализа структуры московской партийной организации и ее функционирования в 1983–1985 гг. — к рассмотрению ключевых направлений деятельности в 1985–1987 гг. и далее к анализу трансформаций 1987–1991 гг. в условиях радикальных изменений советской системы и внутрипартийного кризиса. Такая логика позволяет проследить изменения в функциях и практиках МК КПСС в привязке к смене политического контекста и управленческих задач столицы.

Диссертация С.А. Перехожих обладает рядом несомненных достоинств, позволяющих рассматривать ее как содержательный вклад в изучение позднесоветских механизмов управления и трансформации партийно-государственных институтов на рубеже 1980–1990-х гг. Прежде всего, работа опирается на солидную источниковую базу, включая архивные материалы центральных и московских хранилищ, что обеспечивает эмпирическую «плотность» исследования и позволяет реконструировать не только общую канву событий, но и рутинные процедуры принятия решений, аппаратные

логики и режимы согласования управленческих инициатив. Важным преимуществом является выбор масштаба анализа: МГК КПСС рассматривается как ключевой узел столичного управления, где пересекались кадровые, хозяйственные и идеологические контуры, а Москва выступает своего рода «лабораторией» позднесоветской управленческой рациональности, особенно на фоне перестройки и институционального кризиса 1990–1991 гг. Существенным достоинством работы следует признать стремление автора проследить динамику функций и инструментов горкома в развернутой хронологии 1983–1991 гг., что дает возможность увидеть постепенное смещение от относительно устойчивых аппаратов контроля и координации к ситуации растущей политической неопределенности и эрозии управленческих компетенций. Наконец, исследование демонстрирует внимательное отношение к структурным характеристикам партийного аппарата и персональному измерению управления (роль руководителей и секретарей, конфигурации ответственности), благодаря чему диссертация может быть использована как надежная основа для дальнейших сравнительных работ по региональным партийным организациям, истории городского управления и политической истории позднего СССР.

В то же время изучение диссертации С.А. Перехожих вызвало и ряд замечаний:

1) *Ограниченность историографического горизонта и «узкое поле дискуссий».* Историографический обзор в целом выстроен преимущественно внутри сюжета истории партийных органов (горком/обком, история КПСС, институциональная хроника перестройки), вследствие чего работа недостаточно включена в более широкие исследовательские дискуссии — о позднесоветском управлении мегаполисом, о трансформации партийно-государственной «двухконтурности» (партия/советы/хозяйственные органы), о позднесоветской политической культуре, о режимах легитимации власти и механизмах управленческого реагирования на кризисы конца 1980-х гг. В результате эмпирически насыщенный материал оказывается интерпретирован

главным образом «изнутри аппарата», тогда как потенциал сопоставления с исследованиями по истории городского управления, социальной политике в позднем СССР остается недоиспользованным. Это сказывается на объяснительной силе выводов: читателю не всегда ясно, какую именно общую проблему позднесоветского порядка управления проясняет реконструкция деятельности МГК КПСС.

2) *Несоответствие заявленного объекта исследования реальному аналитическому фокусу работы.* Объектом автор обозначает «социально-экономическую и общественно-политическую жизнь Москвы в 1983–1991 гг.». Однако по фактическому содержанию диссертация в гораздо большей степени представляет собой исследование институциональной истории и управленческих практик МГК КПСС, включая его аппаратную структуру, процедуру подготовки решений и взаимодействие с иными органами власти. Иными словами, в центре работы — не «жизнь Москвы» как совокупность социальных процессов и городских практик, а функционирование партийного управленческого узла и изменения политической культуры управления (в том числе языка решений, стилевых режимов руководства, форм отчетности и контроля). Это не недостаток как таковой, но требует более точной постановки объекта/предмета: иначе возникает эффект методологической «развилки», когда заявленная рамка шире, чем реально анализируемый материал и задачи.

3) *Не до конца мотивированы хронологические рамки и выбор стартовой точки (1983 г.).* Начало исследования отнесено к 1983 г. и «андроповскому периоду». Однако в тексте недостаточно убедительно показано, чем 1983 г. является не просто удобным рубежом, а концептуально значимой точкой отсчета для истории МГК КПСС. Если автор исходит из того, что «андроповский поворот» актуализировал дисциплинарные практики контроля труда, управленческую мобилизацию, обновление кадровых и контрольных механизмов, то это следует показать как структурный сдвиг, задавший траекторию дальнейших трансформаций (1985–1987; 1987–1991). В противном случае старт в 1983 г. выглядит формально-хронологическим, тогда

как логика позднесоветской эволюции московского управления могла бы обосновываться и через иные рубежи (например, 1985 г., 1987–1988 гг. как перелом в партийной системе, 1990 г. как институциональный разрыв «монополии» и др.). Для усиления аргументации автору важно сформулировать: какой именно механизм/режим управления в Москве запускается в 1983 г. и почему без него не понять 1985–1991 гг.

4) *Методологический раздел фиксирует методы, но не задает методологическую рамку исследования.* В диссертации представлены традиционные методы исторического исследования (анализ источников, сравнение, проблемно-хронологический подход и т.п.), однако методологическая рамка как исследовательская перспектива обозначена недостаточно ясно: работа позиционируется то как политическая история, то как институциональная история, то как история управления/администрирования. В результате не всегда понятно, по каким критериям выстраиваются причинно-следственные связи и как соотносятся уровни анализа (аппаратные практики — политические решения — городские процессы). Для усиления научной убедительности важно прямо определить, в какой логике выполнено исследование: институциональная история (эволюция структуры, полномочий, процедур), политическая история управления (механизмы принятия решений и легитимации), микроистория аппарата (локальные практики и агентность акторов), urban governance (координация партийных, советских и хозяйственных контуров). Четкая рамка позволила бы превратить богатую фактуру в объяснение: не только «что происходило», но почему и по каким правилам менялось.

5) *Научная новизна сформулирована преимущественно как ввод новых материалов; недостаточно «концептуального приращения».* Заявление о введении в оборот архивного комплекса — сильная сторона работы. Однако современный стандарт диссертационного исследования предполагает, что новизна включает не только расширение источниковой базы, но и новые интерпретации и обобщающие выводы, которые меняют или уточняют

существующие представления. В тексте не всегда отчетливо артикулировано, в чем состоит теоретико-аналитическое приращение: например, как опыт МГК КПСС позволяет по-новому понять пределы партийного контроля в мегаполисе, причины управленческой неустойчивости конца 1980-х, механизмы «расширения» партийно-советского дуализма или трансформацию управленческого языка в условиях кризиса легитимности.

б) *Тезис о «неэффективности структуры МГК КПСС» нуждается в операционализации и критериях.* В тексте встречается оценочное суждение о неэффективности структуры/работы МГК, но недостаточно ясно, по каким критериям эта неэффективность фиксируется. В институциональной истории «эффективность» должна быть операционализирована: как способность обеспечивать исполнение решений; скорость реакции на проблемы; согласованность контуров управления (МГК — Моссовет — исполком — хозяйственные ведомства); управляемость кадров и дисциплины; устойчивость механизмов контроля; снижение конфликтности или, напротив, рост рассогласований. Без проговаривания метрик и сопоставимых признаков тезис выглядит оценочным и уязвимым для критики. Более продуктивно было бы говорить не о «неэффективности вообще», а о конкретных дисфункциях (дублирование полномочий, инерция процедур, конфликт контуров, кризис канала обратной связи, утрата санкционного потенциала и др.) и показать их проявление на материале.

7) *Недостаточно проработан вопрос о разделении полномочий МГК КПСС и советских органов Москвы.* Поскольку управление столицей в позднем СССР осуществлялось в условиях институциональной «двухконтурности», принципиально важно более отчетливо показать, как соотносились МГК КПСС, Московский городской Совет и его исполнительные структуры, а также хозяйственные ведомства: где проходили границы компетенций, как выглядели реальные процедуры согласования, какие конфликты/перекрытия возникали и как они менялись в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Без этого контекста МГК рискует быть представлен как

самодостаточный центр, тогда как специфика именно московского управления во многом заключалась в сложной конфигурации акторов и в конкуренции/кооперации институтов.

8) *Частные редакторско-понятийные замечания: необходимость точности в описании функций.* Отдельные фрагменты требуют большей терминологической и функциональной определенности. Например, формулировка о составе руководящих органов («первый и другие секретари») задает расплывчатый образ, хотя именно распределение секретарей по направлениям (промышленность, строительство, идеология, кадры и т.п.) являлось ключом к пониманию управленческого устройства и «карты ответственности». Там, где речь идет о структуре, желательно кратко раскрывать функционал позиций и механизм курирования сфер — иначе аппаратное описание превращается в перечень должностей без аналитической нагрузки.

9) *Риск «хроникальности»: преобладание описания над анализом.* Сильная сторона работы — подробная реконструкция событий и аппаратных решений. Вместе с тем в ряде разделов доминирует хроникальная манера изложения, когда перечисление мер, постановлений и кадровых шагов не всегда сопровождается объяснением их логики, адресатов, механизмов реализации и эффекта. Для диссертации особенно важно выдержать баланс между реконструкцией и интерпретацией: показать, как именно решения МГК превращались (или не превращались) в управленческие результаты, где возникали «узкие места» исполнения, как менялся режим контроля и какие новые практики появлялись в годы перестройки. Усиление аналитического слоя сделало бы выводы более обобщающими и дискуссионно значимыми.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 7 научных публикациях С.А. Перехожих, в т.ч. 4 из них — в изданиях из перечня, рекомендуемого ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

